

З. Н. Исидорова

## «ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ» НОВГОРОДА В РАННИХ НОВГОРОДСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПАХОМИЯ ЛОГОФЕТА

### Резюме

В конце 1430-х гг. Пахомий Логофет (Пахомий Серб) написал по заказу новгородского архиепископа Евфимия II два цикла текстов для местных новгородских церковных праздников: один для дня памяти основателя и первого игумена Хутынского монастыря Варлаама (Хутынский цикл), другой для празднования иконе Богородицы «Знамение», с которой связана легенда о чудесной победе новгородцев над осадившим Новгород зимой 1169–1170 гг. суздальским войском (Знаменский цикл). В обоих циклах есть высказывания, декларирующие некоторые аспекты политической независимости Новгорода. Сопоставление этих «декларативных» фраз из текстов Пахомия с подобной фразой из анонимного «Слова о знамени», которое было основным источником Пахомия при написании Знаменского цикла, показывает, что Пахомий не сохранил декларируемое в «Слове» обоснование права Новгорода на владение территориями санкцией Бога, но уделил особое внимание вопросу о верховной власти над Новгородом. Я предлагаю связать это наблюдение с содержанием остального текста Знаменского цикла, где Пахомий утверждает, что Новгород находится под защитой Бога и Богородицы, и делает акцент на исключительном статусе архиепископа как посредника между Богом и жителями Новгорода. Опираясь на наши знания о политической деятельности архиепископа Евфимия II и тенденциях, отразившихся в новгородских летописях, я высказываю предположение, что вероятной задачей, которую решал Пахомий при создании Знаменского цикла, была легитимация власти архиепископа как главы независимой Новгородской республики.

*Ключевые слова:* Пахомий Логофет, Пахомий Серб, Новгород, архиепископ Евфимий II, средневековый город, политическая идеология, легитимация власти, республика, теократия, политический язык, риторика

Zoia N. Isidorova

## THE “DECLARATIONS OF INDEPENDENCE” OF NOVGOROD IN EARLY NOVGORODIAN TEXTS BY PACHOMIUS LOGOTHETES

### Abstract

At the end of the 1430s, Archbishop Evfimii II of Novgorod commissioned Pachomius Logothetes (the Serb) to compose two cycles of texts for the two local religious feasts — the feast of the Novgorodian icon of Our Lady of the Sign (“Znamenie”), associated with the legend of the miraculous rescue of Novgorod from the besieging army of Grand Prince Andrei of Suzdal in 1169–1170, and the feast of St. Varlaam Khutynskii. Both cycles contain statements that express some aspects of political independence of Novgorod. I compare these declarative phrases from Pachomius’s texts with a similar phrase in the anonymous “Slovo o znamenii”, which was the main source for Pachomius’s *Znamenskii* cycle. This comparison shows that Pachomius did not retain the notion that the Novgorodian right to territories was divinely sanctioned. Instead, he paid special attention to different aspects of political power: the political independence of Novgorod, the right of the Novgorodians to invite and expel princes, and the duties of such a prince. I argue that these observations are connected with the main ideas of the rest of the *Znamenskii* cycle where Pachomius presents the Mother of God and even God himself as protectors of Novgorod and emphasizes the exceptionally high status of Archbishop Ioann as an agent who conveys the will of God to the people of Novgorod. Considering what we know about Archbishop Evfimii’s II political activities and the ideological trends that are revealed in the Novgorodian chronicles, I suggest that the task that Pachomius had likely in mind when composing the *Znamenskii* cycle was the legitimation of the power of the archbishop in his capacity as the head of the independent Novgorod republic.

*Keywords:* Pachomius Logothetes, Pachomius the Serb, Novgorod the Great, Archbishop Evfimii II of Novgorod, medieval city, political ideology, political legitimacy, republic, theocracy, political language, rhetoric

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-38-55

**В** конце 1430-х гг. Пахомий Логофет (Пахомий Серб) написал по заказу новгородского архиепископа Евфимия II два цикла текстов для местных новгородских церковных праздников: один — для дня памяти основателя и первого игумена Хутынского монастыря Варлаама (далее — Хутынский цикл), другой — для праздника в честь иконы Богородицы «Знамение», связанного с легендой о чудесной победе новгородцев над осадившим Новгород зимой 1169/70 гг. суздальским войском (далее — Знаменский цикл). Оба цикла сохранились в автографах Пахомия в сборнике-конволюте № 429

из Софийского собрания РНБ (далее — Соф. 429)<sup>1</sup>. И в том и в другом цикле есть высказывания, в которых языком, хорошо знакомым исследователям по летописным и дипломатическим источникам, декларируются некоторые положения, касающиеся политического статуса Новгорода; далее я буду называть их «декларативными высказываниями» или «декларативными фразами». В Знаменском цикле такие высказывания находятся в начале краткого повествовательного текста под названием «Воспоминание знамени бывша иконою Прѣчистие Владычице наше Богородице въ Великом Новѣградѣ»<sup>2</sup> (л. 171 об., далее — «Воспоминание»), который предназначался для чтения на утрени после 6-й песни канона, а также в начале второй (повествовательной) части Похвального слова. Выглядят эти фразы так: «Житие проходящимъ человекомъ Великаго Новаграда, самовластно и никымъ же обладаемъ, нь якоже више рѣхомъ владеще областию своею, якоже и лѣпо бѣ, и кнеза имѣюще отъ инихъ странъ призванаго, въ отмщенье съпротивнимъ» («Воспоминание», л. 171 об.—172); «Великы Новѣград самовластьнь и никымъ же обладаемъ» (Похвальное слово Знамению, л. 188). В Хутыньском цикле декларативная фраза находится в начале одной из главок Жития Варлаама Хутыньского (прижизненное чудо о новгородском князе): «Бѣ бо, рече, тогда кнезь въ Великомъ Новѣграде, якоже обичаи есть того града гражданамъ, своею волею кнеза дръжеше въ омыщение съпротивнимъ» [Карбасова, Левшина, Шибаев, с. 192 (л. 36 об.)]<sup>3</sup>.

В силу эксплицитности своего политического содержания и языка декларативные высказывания в текстах Знаменского цикла Пахомия уже привлекали внимание исследователей политической идеологии Новгорода, и те фрагменты текстов, о которых здесь пойдет речь, не раз становились предметом анализа [Севастьянова, с. 350—351; Агафонов, с. 16—17; Лукин 2021, с. 67—68]. Однако неточности в прочтении и интерпретации этих фраз, а то и ошибки, возникшие вследствие атрибуции Пахомию тех или иных подоб-

<sup>1</sup> По комплексу филиграней и лингвистических особенностей исследователи датируют автографы Пахомия в этой рукописи ранним периодом пребывания сербского книжника в русских землях, то есть концом 30-х — началом 40-х гг. XV в. [Карбасова, Левшина, Шибаев, с. 173—180]. О составе, датировке и атрибуции текстов Знаменского цикла Пахомию Логофету см.: [Карбасова, Исидорова, с. 254—258].

<sup>2</sup> Тексты Знаменского цикла здесь и далее цитирую по автографу Пахомия в Соф. 429, ссылки на номера листов даются без указания шифра рукописи. Цитаты приводятся в упрощенной орфографии, но с сохранением некоторых особенностей правописания Пахомия, титла раскрываются.

<sup>3</sup> Житие Варлаама Хутыньского цитирую по публикации, выполненной Т. Б. Карбасовой [Карбасова, Левшина, Шибаев, с. 190—196], в круглых скобках указан номер листа в автографе Пахомия в Соф. 429.

ных высказываний в позднейших редакциях этих текстов, заставляют еще раз обратиться к ним. Точность здесь тем более важна, что именно декларативные фразы открывают повествовательные части Знаменского цикла, образуя своего рода зачин для пахомиевской версии знаменской легенды, и их содержание не безразлично как для понимания религиозно-политической концепции цикла<sup>4</sup> и его драматургии, так и для формирования нашего представления о политической идеологии архиепископа Евфимия II в целом. В связи с этим я предлагаю рассматривать декларативные фразы Знаменского цикла в контексте идейного содержания всего цикла, а не изолированно от него, как это обычно делали. Кроме того, необходимо привлечь к исследованию и декларативную фразу из Жития Варлаама Хутынского, остававшуюся до сих пор без внимания.

Чтобы верней оценить идейное своеобразие декларативных высказываний в ранних новгородских циклах Пахомия, я, как и другие исследователи, буду сопоставлять их с подобной фразой в «Слове о знамени» — первом известном нам изложении знаменской легенды, написанном анонимным автором, вероятно, при архиепископе Иоанне, в самом конце XIV в. [Севастьянова, с. 261–264]. «Слово» представляет собой краткий повествовательный текст, предназначенный для чтения в церкви на праздник Знамения. Три самых ранних списка «Слова» датируются первой третью XV в., то есть временем до написания Знаменского цикла Пахомием [Лосева, с. 202]. Это списки в рукописях: ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 325 (далее — Увар. 325), РНБ. Ф.п.І.48 (список неполный из-за утраты листа в рукописи; далее — Ф.п.І.48) и РНБ. Софийское собр. № 396 (далее — Соф. 396). Текст «Слова» по этим спискам был опубликован О. В. Лосевой [Лосева, с. 328–334]. «Слово» было основным источником Пахомия при написании Знаменского цикла. Пахомиевское «Воспоминание» очень близко воспроизводит текст «Слова» [Дмитриев, с. 111–126], но при этом в ряде существенных моментов отличается от него. Список в Прологе Ф.п.І.48 наиболее близок тексту пахомиевского «Воспоминания», поэтому «Слово о знамени» я цитирую по этому списку и при необходимости указываю также существенные различия в Соф. 396. Помимо «Слова о знамени», я буду сопоставлять содержание декларативных фраз в Знаменском и Хутынском циклах Пахомия с идеями, выявленными исследователями в летописных и дипломатических текстах конца XIV — первой половины XV в.

---

<sup>4</sup> Основные тезисы моей интерпретации этой концепции были представлены в докладе на заседании Отдела древнерусской литературы 29 марта 2023 г. ([https://www.youtube.com/watch?v=t-BEGo\\_9cZg](https://www.youtube.com/watch?v=t-BEGo_9cZg)). Подробнее она будет изложена в готовящейся к печати статье.

В своем недавнем исследовании республиканской риторики в Древней Руси П. В. Лукин отметил две основные тенденции в развитии политической идеологии Новгорода в период после монгольского нашествия и до конца новгородской независимости. Наиболее заметно, по мнению историка, проявлялась тенденция к закреплению в новгородских текстах представления о Новгороде как «отчине» владими́ро-суздальских князей, потомков Ярослава Всеволодовича [Лукин 2021, с. 65–66]<sup>5</sup>. Но была и противоположная тенденция, которая отражала стремление «вернуться к представлению о Новгороде как об „отчине“ самих новгородцев». Она выражалась в утверждении фактов самостоятельности Новгорода. Проявления именно этой тенденции Лукин обнаруживает в процитированных выше декларативных фразах из «Слова о знаменнии» и из «Воспоминания» и Похвального слова Знамению Пахомия Логофета. Другие варианты той же тенденции представлены, по мнению Лукина, в альтернативных легендах о начале Новгорода и первых его правителях, не связанных с родом Рюриковичей («варяжская» легенда и предание о первом посаднике Гостомысле), а также в договоре Новгорода с польским королем Казимиром IV (1471 г.), где полностью отсутствует «отчинная» терминология [Лукин 2021, с. 67–68]. Несмотря на убедительную аргументацию общих выводов у Лукина его суждения о текстах, посвященных Знамению, требуют уточнения, тем более что проблемы с интерпретацией некоторых особенностей декларативных фраз в Знаменском цикле Пахомия признает и сам историк [Лукин 2021, с. 68].

Рассмотрим сперва декларативную фразу из «Слова о знаменнии»: «Сиде живущимъ новгородьцемъ и владѣюще своею областью (вар: «областми по своей волѣ» — Соф. 396, л. 1 об.), *якоже имъ Богъ поручилъ*, а князя держажу *по своей воли*» (Ф.п.1.48, л. 122). Можно безусловно согласиться с Лукиным в том, что в этой фразе «под „новгородцами“, владевшими подчиненными им территориями, понимаются жители концов, т. е. (...) новгородское политическое сообщество, состоявшее из членов городских территориальных организаций» [Лукин 2021, с. 67]. Однако утверждение, будто здесь выражено «представление о том, что новгородская „воля“ имеет своим источником не древних или современных князей, а Бога» [Там же], на мой взгляд, не соответствует сказанному в этой фразе, поскольку Божественное

---

<sup>5</sup> К выводу о том, что почтительное отношение к великокняжеской власти проявлялось в политике новгородских архиепископов вплоть до самого конца периода независимости Новгорода, пришла и О. В. Севастьянова [Севастьянова, с. 323–328].

«поручение» относится в ней к владению территориями, а не к «вольности в князьях»<sup>6</sup>. О волеизъявлении Бога относительно политического управления самих новгородцев, как, впрочем, и вообще о каком-либо источнике новгородского самоуправления здесь ничего не сказано.

К такому же неверному, с моей точки зрения, выводу о том, что в этой фразе говорится о связи «самовластья» Новгорода с Божьей волей, пришла и О. В. Севастьянова. При этом она ошибочно приписала эту фразу и Пахомию [Севастьянова, с. 350–351], будучи уверенной в том, что публикация текста «Воспоминания» в сборнике «Сказания Новгорода Великого (IX–XIV вв.)» [Сказания, с. 324–331], которой она пользовалась, воспроизводит текст в редакции Пахомия, в то время как в этом издании была опубликована одна из позднейших редакций «Воспоминания», названная Л. А. Дмитриевым — на мой взгляд, крайне неудачно — «полной». В этой редакции текст Пахомия был частично заменен или дополнен фрагментами из «Слова о знаменнии» [Дмитриев, с. 111, 115–128, 282–284], и ключевые для исследования Севастьяновой фразы, которые она цитирует в своей книге, принадлежат именно «Слову», а в авторском тексте Пахомия отсутствуют.

Сопоставление декларативных фраз «Слова о знаменнии» с таковыми в текстах Пахомия обнаруживает существенные различия.

«Слово о знаменнии»	«Воспоминание»	Похвальное слово Знамению	Житие Варлаама Хутынского
Сиче живуцимъ новгородьцемь	Житие проходящимъ человекомъ Великаго Новаграда, <i>самовластно и никымъ же обладаемъ,</i>	Великы Новьград <i>самовластьнь и никымъ же обладаемъ</i>	
и владбюще своею областью, <i>якоже имъ Богъ поручилъ,</i>	нь якоже више рѣхомъ владеще областью своею, <i>якоже и льпо бѣ,</i>		

<sup>6</sup> Формула «вольность в князьях» или «вольности в князьях» используется в историографии для обозначения права новгородцев приглашать и изгонять князей. Формула основана на фразах из Новгородской первой летописи, где идет речь об этом праве, как в обращении к новгородцам князя Мстислава Мстиславича Удатного в статье под 6723 г.: «...а вы вольни въ кнезѣхъ» [ПСРЛ, с. 53, 252]. О развитии в летописании «риторики вольности» и другие примеры подобных фраз см.: [Лукин 2021, с. 48–56].

а князя державу по своеи воли	и кнеза имѣюще от иних странъ при- званаго, въ отмъ- щение съпротивним	якоже обичаи естъ того града гражда- номъ, своею волею кнеза дрѣжеше въ омъщение съпро- тивнимъ
----------------------------------	---------------------------------------------------------------------------------	----------------------------------------------------------------------------------------------------------------

Лукин, безусловно, прав в том, что в декларативных фразах в «Воспоминании» и Похвальном слове Пахомий существенно развил тему самоуправления новгородской политической общины: если в «Слове о знаменнии» просто сообщается о зависимости князя от воли новгородцев, но при этом никак не оговаривается объем его власти, то в «Воспоминании» Пахомий подчеркивает независимость Новгорода от кого бы то ни было<sup>7</sup>, акцентирует иностранное происхождение призываемого новгородцами князя и разъясняет, что единственная цель, ради которой его приглашают, — организация обороны, что имплицитно подразумевает отсутствие у такого князя власти над Новгородом [Лукин 2021, с. 67–68]. Сходную тенденцию можно видеть и в декларативной фразе в Житии Варлаама Хутынского, где Пахомий соединил формулировку новгородской вольности по отношению к князьям из «Слова о знаменнии» с тем же, что в «Воспоминании», указанием на ограниченность полномочий князя делами обороны (происхождение князя не указано), причем если в «Воспоминании» об источнике этой новгородской «воли» ничего не сказано, то в декларативной фразе в Житии Варлаама такое положение дел прямо обосновано традицией («якоже обичаи естъ»).

Таким образом, ни в «Слове о знаменнии», ни в текстах Пахомия новгородская вольность по отношению к князьям не связывается с Божественной волей. Единственное упоминание о Боге присутствует, как мы видели, только в «Слове о знаменнии», и относится оно к праву на владение землями («владѣюще своею областью, *якоже имъ Богъ поручилъ*»). Пахомий же обосновал право на управление территориями и право собирать с них дань не Божественным установлением, а обычаем, точнее подобающим образом действий: «владеще областью своею *якоже и льно бѣ*» (л. 172). Фразу

<sup>7</sup> Заметим появление в этом контексте лексем «самовластно», «самовластьнь» — однокоренных слов с одним из вариантов перевода греческого слова αὐτοκράτωρ — «самовластецъ», известного, например, по Ипатьевской летописи, которая этим словом описывает притязания все того же князя Андрея Боголюбского [Филушкин, с. 56–57]. Использование производных от другого варианта перевода слова αὐτοκράτωρ — наречия и прилагательного «самодержавно(е)» — для характеристики независимого положения Сербии в сербских житиях святых отмечено Г. А. Острогорским [Кршлянин, с. 164–165].

«якоже лѣпо бѣ» Пахомий использует в «Воспоминании» еще раз, когда говорит о действиях протодьякона и клирошан Софийского собора, посланных архиепископом за иконой в церковь Спаса на Ильине улице: «и поклоньшися, *якоже лѣпо бѣ*» (л. 174 об.). Таким образом, это выражение Пахомий употребляет для описания обычных, подходящих в определенной ситуации действий. В том, что замену фразы «якоже имѣ Богъ поручилъ» на фразу «якоже лѣпо бѣ» произвел именно Пахомий, сомневаться не приходится, поскольку первая присутствует во всех трех старейших списках «Слова». И замена эта, безусловно, не случайна, поскольку упоминание обычая в описании отношений Новгорода с подчиненными ему территориями Пахомий добавил и в следующий за декларативными фразами рассказ о событиях в Двинских землях: «Едина от власти града того, Двина глаголемаа, отметнувшись убо *обычную* дань даати Новуграду»; «новоградци же съвѣщавшися, даньника *по обычаю* на прѣдречную Двину послаша» (л. 172). В «Слове о знаменнии» обычай в аналогичных фразах не упоминается: «В то же время двинянь не хотяху дани давати Новугороду»; «Новгородци же послаша на Двину данника, Даньслава Лазутиница» (Ф.п. I.48, л. 122). Таким образом, Пахомий по какой-то причине считал необходимым исключить Бога из отношений Новгорода с зависимыми территориями и настаивать на том, что эти отношения основывались на обычае.

Отмечая акцент на обычае в тексте Пахомия, Лукин утверждает, что «эта концепция явно была полемически заострена против идеи о Новгороде как о княжеской отчине» [Лукин 2021, с. 68]. Действительно, ссылаясь на обычай, Пахомий настаивает на том, что в конфликте вокруг двинской дани новгородцы были в своем праве, а «попытки князей вмешаться в установленный порядок обычай нарушают» [Лукин 2021, с. 67]. Это, однако, не объясняет, почему Пахомий удалил упоминание о Божественном установлении права новгородцев на владение «своею областью». Справедливо предполагая, что Пахомий, скорее всего, умышленно изменил текст декларативной фразы в «Воспоминании», Лукин недоумевает о причине такого изменения, поскольку, по его мнению, «Пахомий Логофет только усиливал религиозно-назидательную направленность текста с помощью, по характеристике В. Водова, „цветистой и напыщенной риторики“» [Лукин 2021, с. 68]. Однако такое представление о характере работы Пахомия нельзя признать верным, а то содержательное отличие Похвального слова Пахомия от «Слова о знаменнии», которое сам Водов называет «новым взглядом на события», а именно тот факт, что «автор настаивает на общеновгородском характере покровительственного культа Марии» [Vodoff, p. 7], отражает лишь часть произведенных Пахомием изменений. Более показательным в этом

случае является полнотекстовое сравнение «Воспоминания» со «Словом о знамении», поскольку эти произведения наиболее близки друг другу. Такое сравнение обнаруживает у Пахомия целый ряд пропусков или коррекций, которым подверглись в числе прочего и риторически обставленные упоминания о проявлениях Божественного вмешательства. Наиболее заметный пример — исключение целого риторического пассажа, в котором чудо истечения слез от иконы истолковывается как молитва Богородицы. Изменения несомненно, не были случайными: пропущенные в «Воспоминании» фрагменты отсутствуют также и в Похвальном слове, а при сопоставлении фрагментов, которые Пахомий отверг, с теми, которые он добавил в свои тексты, становится очевидна их идейная несовместимость [Агафонов, с. 17–19; Исидорова, с. 208–209 и примеч. 9; Карбасова, Исидорова, с. 258–268]. Характер внесенных Пахомием изменений говорит, на мой взгляд, не только о стремлении усилить «религиозно-назидательную направленность текста», чего, впрочем, отрицать тоже никак нельзя, но прежде всего о желании что-то поменять в его идеологической концепции. То же можно сказать и о различиях между пахомиевским Житием Варлаама Хутынского и более ранним, известным в списках начала XIV в. проложным Житием этого святого<sup>8</sup>.

Как мы видели, Пахомий обосновывает и новгородскую вольность по отношению к князьям, и право на земли исключительно обычаем, при этом очевидно, что тема новгородской «воли» получает в его текстах приоритет: он усиливает ее, вводя детали, которые подчеркивают ограниченный характер полномочий князя, в то время как тема владения территориями теряет свое сакральное значение — Божественная санкция утрачивается в пользу обычая — и никак не развивается. О том, что территориальный конфликт не играл большой роли в идеологической концепции Знаменского цикла, говорят и другие факты, прежде всего то обстоятельство, что в Похвальном слове Пахомий вообще обошелся без всей двинской части истории — там причиной конфликта названа зависть великого князя к богатству и независимости Новгорода, а не желание наказать новгородцев за разгром великокняжеского войска на Двине. Песнопения Службы Знамения вторят этой трактовке: территориальные споры, как и победа новгородцев в битве за Двинские земли, там совсем не упоминаются. Примечательно также, что, воспроизводя в «Воспоминании» рассказ «Слова о знамении» о победе новгородцев над суздальским войском на Двине, Пахомий опустил столь обыч-

<sup>8</sup> Проложное Житие Варлаама Хутынского по Прологу первой трети XIV в. (РГАДА. Ф. 381 (Типографское собр.). № 157) с разночтениями по другим прологам XIV — первой трети XV в. опубликовано Лосевой [Лосева, с. 319–324].

ную в летописных рассказах о военных победах фразу «и пособи Богъ новгородцемъ», которая предваряет в «Слове» подсчеты павших в битве (Ф.п. I.48, л. 122). Учитывая все изложенное выше, можно предположить, что и это едва ли было случайным. Скорее всего, здесь, как и в декларативной фразе, Пахомий, в отличие от «Слова о знамении», предпочел не «впутывать» Бога в территориальные отношения новгородцев.

Представляется наиболее вероятным, что эти тенденции сигнализируют об идеологически обусловленной смене объекта внимания по сравнению с аналогичными декларациями в «Слове о знамении». По-видимому, для анонимного автора «Слова» было важно утвердить право новгородцев на владение территориями, когда это право оказалось под угрозой из-за отказа населения Подвинья (двинян) платить дань и великий князь попытался воспользоваться этим, чтобы распространить свою власть на эти земли. Лишь вторым «столпом» политического устройства Новгорода «Слово» объявляет «волю» по отношению к князьям. Вероятно, на такую расстановку приоритетов повлияли исторические обстоятельства, с которыми Севастьянова связывает написание «Слова о знамении». Как пишет исследовательница, идеологема «воля новгородская» или «вся воля новгородская» активно употреблялась в новгородском летописании уже в первой половине XIII в., но формулирование права на земли, например «утверждение о том, что новгородская земля является новгородской волостью», появляется, по ее наблюдению, только в самом конце XIV в., в связи с войной Новгорода за Двинские земли. Именно в это время летописцы начинают называть Новгородскую землю «отчиной и дединой» и говорить о ее принадлежности «святѣи Софѣи». Иначе говоря, легитимность владения территориями обосновывалась в летописи двояко: традицией и принадлежностью местному храму, то есть в конечном счете Богу. Приступая к описанию конфликта между Новгородом и суздальским князем за Двинские земли, автор «Слова о знамении» тоже чувствовал необходимость обосновать право новгородцев на владение территориями, однако его аргументация исключительно религиозная: власть над землями дана новгородцам Богом — «якоже имь Богъ поручилъ» [Севастьянова, с. 112, 120, 123, 251–257, 261–262]. У Пахомия, как мы видели, акценты расставлены иначе: вопрос о землях отодвинут на второй план, а вперед выставлен слабо артикулированный в «Слове о знамении» вопрос о власти над самим Новгородом.

Названные различия между «Словом о знамении» и текстами Знаменского цикла Пахомия находят соответствие в двух отмеченных Севастьяновой тенденциях сводчика Новгородской IV летописи, работа над которой велась при дворе новгородского архиепископа примерно в то же время,

когда Пахомий писал Знаменский цикл, или чуть позже. Летописец, с одной стороны, подчеркивал автономность Новгорода, сокращая сообщения, которые показывали влияние великого князя и зависимость новгородцев от его власти, а также их страх перед князем, но, с другой стороны, в сообщениях о вторжении великокняжеского войска в Новгородские земли он избегал обвинять великих князей в нарушении крестного целования [Севастьянова, с. 305–314, 324–325]. Об изменениях в отношении к праву на земли говорит и отсутствие в тексте Новгородской IV летописи идеологемы времени архиепископства Иоанна (1388–1415): «Новгородская земля — вотчина Св. Софии» [Севастьянова, с. 327]. То есть, как и в Знаменском цикле Пахомия, в этот период летопись отходит от религиозного обоснования права новгородцев на владение территориями.

Севастьянова связывает исключения упоминаний Святой Софии из статей о военных конфликтах за территории с миротворческой тенденцией ефимиевского свода [Севастьянова, с. 330–332]. Однако это предположение как будто бы плохо согласуется с новой репрезентацией Богородицы в Знаменском цикле — ее активной ролью в обороне Новгорода от суздальского войска, а также с настойчиво повторяющимся в текстах Пахомия мотивом «победы» над агрессором [Карбасова, Исидорова, с. 258–268]. Можно предположить, что изменения, о которых пишет Севастьянова, были вызваны трансформацией самой концепции Святой Софии, причем этот процесс и новшества в репрезентации Богородицы могли быть взаимосвязаны. Как бы там ни было<sup>9</sup>, и в Новгородской IV летописи, и в Знаменском цикле конфликты из-за территорий оказались вынесенными из сферы религии. Пахомий перевел вопрос о праве на владение территориями и конфликт вокруг Двинских земель в сферу обычая, исключив их тем самым из своей религиозно-политической концепции. При этом он с какой-то целью усилил внимание к вопросу верховной власти над Новгородом.

Такую расстановку акцентов в текстах Пахомия можно было бы интерпретировать исходя из исторической ситуации, в которой оказался Новгород в 1430-е гг.: фактического отсутствия верховной власти великого князя, с одной стороны, и продолжавшегося постепенного размывания власти Новгорода над территориями — с другой. Давление московских князей на Новгород в это время ослабело из-за разгоревшейся борьбы за московский престол между потомками Дмитрия Донского, а приглашенным новгород-

<sup>9</sup> Несмотря на некоторые успехи в изучении вопроса о трансформации новгородского культа Святой Софии, это явление всё еще остается загадкой. См. обзор основных исследований и гипотез об этом культе, а также интересную, хотя и не бесспорную его трактовку в недавней книге П. В. Лукина [Лукин 2022, с. 222–235].

ским князем в 1430-е гг. был Юрий Семенович, наместник литовских князей — «от иних странъ призван[ый]» (л. 172), сын Семена-Лугвеня, весьма ограниченный в своих правах и возможностях в Новгороде и зависевший от расположения новгородцев. Размывание власти Новгорода над его огромными территориями выражалось в том, что к XV в. многие Новгородские земли имели по договорам статус совместных владений Новгорода с одной стороны и великого князя Московского или великого князя Литовского с другой. Некоторые новгородские пригороды в тот или иной момент отказывались платить Новгороду дань и отлагались от него. Часть Новгородских земель также находилась во владении различных князей, в числе которых были родственники московского княжеского дома или те, кто придерживался промосковской ориентации, а также московских бояр и княжеских новгородских или московских монастырей [Севастьянова, л. 336–342]. В таких условиях можно было, действительно, с большей уверенностью говорить о самоуправлении новгородской политической общины, чем о данном от Бога праве на владение землями, а потому апелляция к старине, к обычаю в вопросе о владении территориями могла представляться более уместной. Однако эти исторические факты не объясняют усиления внимания к вопросу о верховной власти над Новгородом в текстах Пахомия.

Лукин интерпретирует различия между декларативными фразами «Слова о знамении» и «Воспоминания» как развитие Пахომием темы «самовластия» новгородской политической общины и проявление тенденции «вернуться к представлению о Новгороде как об „отчине“ самих новгородцев» [Лукин 2021, с. 67–68]. Такое мнение может показаться верным, если рассматривать декларативные фразы изолированно от остального текста Знаменского цикла, предполагая в нем исключительно «религиозно-назидательное» содержание. Однако стоит обратить внимание на то, что в Знаменском цикле декларативные фразы находятся в самом начале «Воспоминания» и повествовательной (центральной) части Похвального слова. Такое положение указывает на их функцию: это экспозиция разворачивающейся истории, описание «нормального», «очевидного» положения вещей, существовавшего до завязки знаменской драмы, во время которой происходят чудесные события, раскрывающие «истину», которая до той поры была сокрыта<sup>10</sup>. Поэтому вопрос об идейном, в том числе политическом, содержании Знаменского цикла следует адресовать всему тексту в целом.

---

<sup>10</sup> В Хутынском цикле декларативная фраза о «вольности» новгородцев в выборе князя и его ограниченных обязанностях с сюжетом чуда о князе никак не связана, она вставлена как пояснение статуса князя, посещающего святого Варлаама. Однако сам факт введения ее в рас-

Сравнив текст «Слова о знамении» с описанием событий 1169–1170 гг. в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов, И. С. Агафонов отметил, что в «Слове» коренным образом поменялись акценты в репрезентации лиц, облеченных властью в Новгороде. Летописные рассказы называют главными лицами, вокруг которых объединились новгородцы во время осады, князя Романа Мстиславича и посадника Якуна, а также говорят о князе как победителе в битве с суздальцами. Молитвенная помощь архиепископа (в летописи он назван Илией) упоминается лишь в конце заключительной фразы летописной статьи: «и къ вечеру побѣди я князь Романъ<sup>11</sup> съ новгородьци, силою крестьною и Святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыки Илие» [ПСРЛ, с. 33, 221]. В «Слове» же от князя осталось лишь имя, о посаднике не упоминается вовсе, а главным действующим лицом стал сменивший имя архиепископ (Иоанн) [Агафонов, с. 16–19].

В Знаменском цикле Пахомий еще больше подчеркнул высокий статус и роль архиепископа как посредника между Богом и жителями Новгорода<sup>12</sup>, и, так же как «Слово», полностью проигнорировал посадника и князя в рассказе об обороне города от суздальцев, хотя, казалось бы, намеренно указанные в декларативных фразах «Воспоминания» обязанности князя подразумевали его активное участие в событиях. Вместо князя «воеводой», защищающим Новгород и вдохновляющим его жителей на борьбу с врагами, оказывается в Знаменском цикле Богородица. Она же не раз называется в текстах Пахомия «царицей», причем статус «царицы» и подобающее ему обращение с ее иконой, посредством которой Богородица присутствует в Новгороде, Пахомий сделал предметом особого обсуждения в Похвальном слове [Карбасова, Исидорова, с. 258–268]. Поэтому представляется весьма вероятным, что вставки, подчеркивавшие независимость Новгорода и разъяснявшие происхождение и роль приглашенного князя при полном отсутствии дальнейших упоминаний о нем, нужны были Пахомию не только для того, чтобы тверже заявить о «самовластии» новгородской политической общины в полемике «против идеи о Новгороде как о княжеской отчине» [Лукин 2021, с. 68], но и для того — а возможно, как раз именно для того, — чтобы привлечь внимание к вопросу о власти в городе вообще

---

сказ о чуде сигнализирует, что тема вызвала определенное беспокойство у заказчика текста, посчитавшего необходимым внести такое уточнение.

<sup>11</sup> В Новгородской первой летописи младшего извода после имени князя в этой фразе добавлено упоминание о его детском возрасте (Комиссионный список: «нь еще бо тогда дѣтескъ бяше сын» [ПСРЛ, с. 221]).

<sup>12</sup> Подробнее об этом см. в моем докладе на заседании Отдела древнерусской литературы 29 марта 2023 г.

и в связи с этим, во-первых, утвердить мысль о том, что верховная власть над Новгородом принадлежит Богу и Богородице, а во-вторых, подчеркнуть исключительно высокое положение архиепископа, который в своей роли посредника помогает осуществиться спасительной для города Божественной воле.

В 1439 г. в Софийском соборе были обретены мощи героя Знаменского цикла архиепископа Илии-Иоанна, и, возможно, около того же времени архиепископ Евфимий инициировал его местную канонизацию, хотя в летописи ничего не сказано о назначении специального дня его поминовения, в отличие от погребенных также в Софийском соборе князя Владимира Ярославича и его матери, об установлении памяти которых летопись сообщает [ПСРЛ, с. 420]. Не исключено, что при Евфимии началось и местное почитание других его предшественников на новгородской кафедре, хотя все утверждения об этом, в частности построения А. С. Хорошева [Хорошев, с. 139–141], основаны на данных поздних источников, поэтому говорить о точной дате установления памятней целого ряда новгородских святителей, на мой взгляд, невозможно. Хорошев объясняет обширную, по его мнению, канонизационную деятельность Евфимия II тенденцией к «идеализации исторического прошлого Новгорода» как части разрабатывавшейся архиепископом «идеологической концепции», которая выражала «антимосковские настроения верхушки боярства» [Хорошев, с. 138–139]. А. Г. Бобров, возражая тем, кто видел в действиях Евфимия проявления «новгородского сепаратизма» или «западнической ориентации», связывает обращение архиепископа к новгородской древности с непринятием унии и датирует начало «создания культа новгородской „старини“» осенью 1439 г. [Бобров, с. 199–200]. Анализируя работу евфимиевского сводчика в Новгородской IV летописи, Севастьянова пришла к выводу, что и после 1439 г. Евфимий, при всех стараниях демонстрировать «мощь Новгорода» и отстаивать независимость новгородского судопроизводства, оставался лояльным «к княжеской власти как таковой», признавал авторитет находившегося в Москве митрополита, критически относился к литовским князьям и проповедовал «идеалы миротворчества и смирения». При этом он также старался подчеркивать свою независимость от светских властей Новгорода, в том числе в трактовке происхождения нового порядка избрания архиепископа по жребию. Всё это позволяет, по мнению исследовательницы, «противопоставить политическое мировоззрение Евфимия политическому мировоззрению новгородского боярства», а также не согласиться как с предположением Хорошева об антимосковском характере евфимиевской канонизации, так и с мнением Боброва о влиянии унии на отношение новгородского архиепископа к московским

князьям [Севастьянова, с. 320–323, 335–336, 355]. Факты, связанные с пребыванием в Новгороде Пахомия, свидетельствуют в пользу вывода Севастьяновой об отсутствии существенных различий в политике Евфимия до и после осени 1439 г.: известно, что цикл, посвященный Варлааму Хутыньскому, был готов к лету 1438 г., поскольку он включен в датированную августом того года пергаменную ноябрьскую mineю, написанную по повелению Евфимия для новгородского Софийского собора, — РНБ. Софийское собр. № 191 [Карбасова 2016]<sup>13</sup>. Это обстоятельство показывает, что инициатива архиепископа по созданию пантеона новгородских святых не могла быть вызвана его реакцией на унию, поскольку зародилась раньше.

Выявленные Севастьяновой тенденции в работе евфимиевского сводчика и внимание Евфимия к памяти архиепископа Илии-Иоанна и некоторых новгородских князей позволяют предположить, что отмеченное выше внимание Пахомия к вопросу о верховной власти в Новгороде и отчетливо прослеживаемая в Знаменском цикле тенденция к возвеличиванию роли архиепископа Иоанна в качестве посредника между Богом и жителями города могут быть связаны с желанием заказчика Знаменского цикла утвердить положение архиепископа как религиозного и политического главы Новгорода. Известно, что в реальной жизни полномочия архиепископа в сфере новгородской политики были весьма обширными и в первой половине XV в. его влияние еще больше укреплялось, причем архиепископ Евфимий II предлагал для этого много усилий и немало заботился о внешней репрезентации своей власти [Раба; Лукин 2020]. Этим целям вполне отвечало и создание соответствующих текстов для ежегодного общественного богослужения. В таком случае возможно, что задачей, которую должен был решить Пахомий в Знаменском цикле, была легитимация власти архиепископа как главы независимой Новгородской республики. Эта гипотеза, конечно, нуждается в подтверждении путем тщательного анализа текстов Знаменского цикла, что заслуживает отдельного исследования.

## Литература

- Агафонов — *Агафонов И. С.* Идеологические тенденции в нарративах Знаменского цикла XV–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 16–22.
- Бобров — *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). М.: Дмитрий Буланин, 2001. 287 с.

<sup>13</sup> В списке Жития Варлаама Хутыньского в Соф. 191, как и в автографе Пахомия в Соф. 429, присутствует декларативная фраза «якоже обичаи есть того града гражданамъ, своєю волею кнеза дръжеще въ омъщение съпротивнимъ» [Карбасова, Левшина, Шибяев, с. 192].

- Дмитриев — *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний / ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1973. 303 с.
- Исидорова — *Исидорова З. Н.* Источники текстов Знаменского цикла Пахомия Логофета // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2020. Т. 67. С. 206–239.
- Карбасова 2016 — *Карбасова Т. Б.* Цикл текстов, посвященных Варлааму Хутынскому, в Минее Софийского собрания № 191 // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. Вып. 19. С. 3–57.
- Карбасова 2021 — *Карбасова Т. Б.* О редактировании Жития Варлаама Хутынского в XVI в.: запись чудес // Вестник церковной истории. 2021. № 3/4 (63/64). С. 242–246.
- Карбасова, Исидорова — *Карбасова Т. Б., Исидорова З. Н.* Богородичная тема в творчестве Пахомия Серба // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2020. Т. 67. С. 240–283.
- Карбасова, Левшина, Шibaев — *Карбасова Т. Б., Левшина Ж. Л., Шibaев М. А.* Житие Варлаама Хутынского в автографе Пахомия Серба // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2019. Т. 66. С. 171–196.
- Кршлянин — *Кршлянин Н.* Титул самодержца (автократора) в Сербии и России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 162–183.
- Лосева — *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 472 с.
- Лукин 2020 — *Лукин П. В.* Политические функции новгородских архиепископов в ганзейских документах XIV–XV вв. // Церковь в истории России / Ин-т российской истории РАН. М.: [б. и.], 2020. Сб. 13: К 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Я. Н. Шапова. С. 97–127.
- Лукин 2021 — *Лукин П. В.* Республиканская риторика в Древней Руси // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века: [кол. монография] / Под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 43–85.
- Лукин 2022 — *Лукин П. В.* Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. V–XII, 720 с.
- Сказания — Сказания Новгорода Великого (IX–XIV вв.) / Сост., пер., коммент., вступ. ст. Ю. К. Бегунов. СПб.: Политехника, 2004. 876, [1] с.
- Севастьянова — *Севастьянова О. В.* Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 408 с.
- Филюшкин — *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей, М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 254, [1] с.
- Хорошев — *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд-во МГУ, 1986. 206 с.
- Raba — *Raba J. Evfimij II., Erzbischof von Groß-Novgorod und Pskov. Ein Kirchenfürst als Leiter einer weltlichen Republik // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1977. Bd. 25, H. 2. S. 161–173.*

Vodoff — *Vodoff V. Le culte du Znamenie à Novgorod: tradition et réalité historique // Oxford Slavonic Papers: New Series. 1995. Vol. 28. P. 1–19.*

## References

- Agafonov, I. S. (2015). 'Ideologicheskie tendentsii v narrativakh Znamenskogo tsikla XV–XVII vekov', *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*, 4 (62), 16–22.
- Begunov, Yu. K., ed. (2004). *Skazaniya Novgoroda Velikogo (IX—XIV veka)*. Saint Petersburg: Politehnika, 876+[1] p.
- Bobrov, A. G. (2001). *Novgorodskie letopisi XV veka*. Moscow: Dmitrii Bulanin, 287 p.
- Dmitriev, L. A. (1973). *Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamyatniki drevnerusskoi literatury XII–XVII vekov: Evolyutsiya zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*. Leningrad: Nauka, 303 p.
- Filyushkin, A. I. (2006). *Tituly russkikh gosudarei*. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 254+[1] p.
- Isidorova, Z. N. (2020). 'Istochniki tekstov Znamenskogo tsikla Pakhomiya Logofeta' ['Sources of the "Znamensky" Cycle Texts of Pachomius Logothetes'], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 67, 206–239.
- Karbasova, T. B. (2016). 'Tsikl tekstov, posvyashchennykh Varlaamu Khutynskomu, v Minee Sofiiskogo sobraniya № 191', in: *Ocherki feodal'noi Rossii*. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo. Vol. 19, 3–57.
- Karbasova, T. B. (2021). 'O redaktirovaniy Zhitiya Varlaama Khutynskogo v XVI veke: zapisi chudes', *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3/4 (63/64), 242–246.
- Karbasova, T. B., Isidorova, Z. N. (2020). 'Bogorodichnaya tema v tvorchestve Pakhomiya Serba' ['The Theotokos Theme in the Works of Pachomius the Serb'], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 67, 240–283.
- Karbasova, T. B., Levshina, Zh. L., Shibaev, M. A. (2019). 'Zhitie Varlaama Khutynskogo v avtografе Pakhomiya Serba' ['Pachomius the Serb's Autograph of the Life of Barlaam of Khutyn'], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 66, 171–196.
- Khoroshev, A. S. (1986). *Politicheskaya istoriya russkoi kanonizatsii (XI–XVI veka)*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 206 p.
- Kršljanin, N. (2017). 'Titul samodержtsa (avtokratora) v Serbii i Rossii' [The Title of Samoderzhets (Autokrator) in Serbia and Russia: Two Ways of Byzantine Heritage Development'], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]*. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 22, 5, 162–183.
- Loseva, O. V. (2009). *Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh prologov XII — pervoi treti XV vekov*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 472 p.
- Lukin, P. V. (2020). 'Politicheskie funktsii novgorodskikh arkhiepiskopov v ganzeiskikh dokumentakh XIV–XV vekov' ['Political Functions of Novgorod Archbishops in Hanseatic Documents of the XIV–XV Centuries'], in: *Tserkov' v istorii Rossii*. Moscow: [s. n.]. Vol. 13: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya chlen-korrespondenta Rossiiskoi akademii nauk Ya. N. Shchapova, 97–127.
- Lukin, P. V. (2021). 'Respublikanskaya ritorika v Drevnei Rusi', in: K. A. Solov'ev, ed. *Res Publica: Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka: [kollektivnaya monografiya]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 43–85.

- Lukin, P. V. (2022). *Novgorod i Venetsiya: sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniya respublikanskogo stroya [Novgorod and Venice: Two Republican Models. Essays in Comparative History]*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 302 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 3: Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov* (2000). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, V–XII+720 p.
- Raba, J. (1977). 'Evfimij II, Erzbischof von Groß-Novgorod und Pskov Ein Kirchenfürst als Leiter einer weltlichen Republik', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Bd. 25, 2, 161–173.
- Sevastyanova, O. V. (2011). *Drevnii Novgorod: novgorodsko-knyazheskie otnosheniya v XII — pervoi polovine XV veka*. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 408 p.
- Vodoff, V. (1995). 'Le culte du Znamenie à Novgorod: tradition et réalité historique', *Oxford Slavonic Papers: New Series*. Vol. 28, 1–19.